

один из ее персонажей, — это Тургенев. Мы не располагаем суждениями Тургенева о раннем творчестве Достоевского, но почему бы не допустить, что в тексте карикатуры его высказывание (вернее, часть высказывания) приведено достаточно точно. К тому же о психологизме как об одном из главных качеств произведений Достоевского Тургенев говорил и позднее. Вот отрывок из его письма к Достоевскому от 26 декабря 1861 (7 января 1862) года с мнением о «Записках из Мертвого дома»: «...в Ваших характеристиках разных лиц (...) много тонкой и верной психологии».¹² Но гораздо более любопытно примечание Тургенева к публикации его пьесы «Месяц в деревне» (Современник. 1855. № 1), которое формально построено почти так же, как и отзыв о «Двойнике»: «Это собственно не комедия, — а повесть в драматической форме».¹³

Вероятно, Достоевскому запомнилось высказывание Тургенева, потому что однажды он и сам схожим образом характеризовал другое свое произведение. В широко известном и часто цитируемом письме к М. Н. Каткову от 10 (22)—15 (27) сентября 1865 года он писал о романе «Преступление и наказание», что «это — психологический отчет одного преступления», где, в частности, «развертывается весь психологический процесс преступления» (28₂, 136—137).

Вернемся снова к эпизоду из «Униженных и оскорбленных». Нельзя не отметить, что позднее, создавая в своих полемических статьях образ Краевского-журналиста Достоевский использовал некоторые штрихи портрета антрепренера Александра Петровича. Так, в романе голос его характеризуется как «мягкий, приличный (...) басок», в статье же «Щекотливый вопрос» (1862) газета Краевского «Голос» называется «Умеренный басок» (20, 44). В той же статье Краевскому дважды был дан эпитет «невинный» (20, 32, 44), которым также наделяет Александр Петрович.¹⁴

Упомянутый нами эпизод лишний раз говорит о том, насколько не случайна в романах Достоевского каждая деталь и насколько важен был для него литературно-исторический контекст, пусть даже понятный в полной мере лишь посвященным.

¹² Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Письма: В 18 т. М., 1987. Т. 4. С. 394.

¹³ Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем. Соч.: В 12 т. Т. 2. С. 644.

¹⁴ Следует отметить, что слово «невинный» в журнальной полемике того времени употреблялось в значении «невежественный».

К. А. БАРШТ, И. А. БИТЮГОВА

К ТВОРЧЕСКОЙ ИСТОРИИ «ПРЕСТУПЛЕНИЯ И НАКАЗАНИЯ»

(Атрибуция одного из набросков)

В 17-м томе Полного академического собрания сочинений Достоевского, где помещены поздние наброски и планы писателя, под условным названием «отрывки», опубликованы три фрагмента. Об одном из них, втором (см.: 17, 13), в комментарии говорится: «Фрагментарность записи не дает возможности ее датировать, а также более определенно связать с каким-то замыслом» (17, 442). Приводим текст этого отрывка:

«Какова я собою, чтобы всё устроилось.

Поглядела на него с удивлением.

— Я ведь только для того, чтоб не вышел скандал, так как это дело, так сказать, семейное».

Позволим себе основать предположение о связи данной записи с начальным этапом работы Достоевского над «Преступлением и наказанием». Мысль об этом возникла при установлении сходства между рисунками на сохранившемся в архиве Пушкинского Дома отдельном листе с процитированным наброском.¹ и рисунками на ряде страниц тетради с подготовительными материалами к одной из ранних (второй) редакции «Преступления и наказания».² На всех указанных страницах тетради фигурируют вариации изображения Достоевским лица молодой женщины, по видимому ассоциировавшегося в авторском сознании с Соней Мармеладовой. В рукописных источниках других произведений и замыслов Достоевского подобные изображения не встречаются. Необходимо, однако, оговорить, что в существующих описаниях рукописного наследия и рисунков Достоевского графический эскиз на этом листе интерпретируется как «набросок мужской головы».³ В заблуждение высококвалифицированных специалистов, на наш взгляд, могло ввести то, что голова на рисунке предстает как будто с короткими волосами, а стрижка для женщин (кроме так называемых нигилисток) в ту пору была невозможна. Но, как показывает опыт последовательного изучения особенностей начер-

¹ ИРЛИ, № 29495.

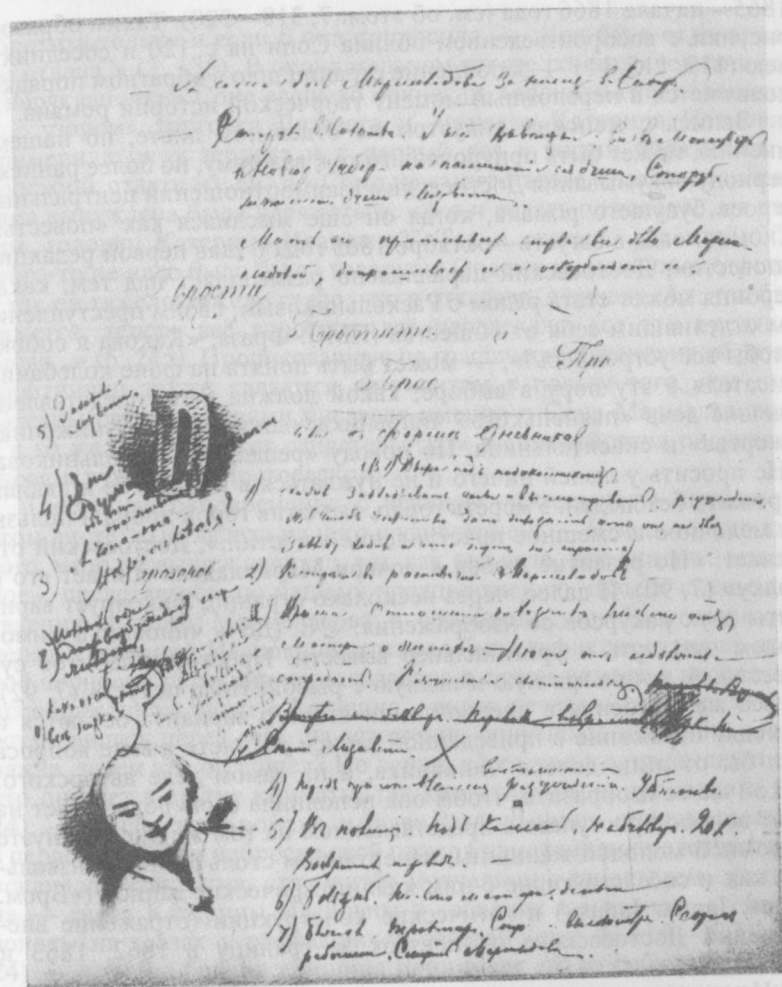
² РГАЛИ, ф. 212, оп. 1, ед. хр. 3, с. 111, 115, 119, 120.

³ См.: Бюллетени Рукописного отдела Пушкинского Дома. Вып. 7: Рукописи и переписка Ф. М. Достоевского / Сост. Б. Н. Капелюш, Т. В. Гармашева. М.: Л., 1957. С. 24; Описания рукописей Ф. М. Достоевского / Под ред. В. С. Нецаевой. М., 1957. С. 142 (материалы описания ПД представлены теми же составителями с точным повторением аннотации); Описания рукописей и изобразительных материалов Пушкинского Дома: И. А. Гончаров. Ф. М. Достоевский / Сост. Н. Н. Фоякова. М.: Л., 1959. С. 122 (здесь дан вариант пояснения к рисунку: «Молодой круглолицый мужчина, без усов и бороды»).

тания Достоевским лиц, писатель обычно намечал основные контуры, не прорисовывая до конца такие детали, как волосы. Скорее всего, волосы у изображенной на листе молодой женщины заколоты сзади в пучок. В этом убеждает и сопоставление с однотипными портретными зарисовками юного женского лица, возникавшего под пером Достоевского в процессе создания «Преступления и наказания». Для наглядности даем фотокопии листа с атрибутируемым текстом и с. 120 упомянутой выше тетради, на полях которой в нижнем углу уже предстает явно женский «портрет», также с непрописанными до конца волосами.

Рисунок на с. 120 был сделан Достоевским, когда он уже составил первую (краткую) редакцию «повести» (в виде воспоминаний героя через несколько дней после совершенного им убийства) и набросал вторую (пространную) редакцию (как «исповедь» того же героя, находящегося «под судом»), начав ее детализировать. К этому моменту была уже прояснена линия взаимоотношений Раскольникова и Сони Мармеладовой, последовавшей «за ним в Сибирь». Но писатель испытывает неудовлетворенность избранным им строем повествования. На с. 120 он вновь проверяет, не лучше ли жанра «исповеди» прежняя «форма дневника», и вскоре, перейдя к планированию третьей (окончательной) редакции, предпочтет им обеим повествование от лица автора. На этой же странице определяется ход записей в «дневнике» героя, и к словам «Рассуждения скептические. На Сенной Лизавета» намечаются на полях пояснения по пунктам: «1) Как они все низки. 2) Молодость одна и [дает] возбуждает еще жалость. 3) А что-то Мармеладова? 4) Я не думаю

об той. Мысль, но зачем она живет? 5) Заходила Лизавета» (7, 141). Как видно, в «дневнике» Раскольникова Достоевский стремится подчеркнуть такую существенную черту его позиции, как попытку оправдать свой замысел убийства никому не нужной старухи-процентщицы вопросом о судьбе Сони Мармеладовой. Вскоре после этих записей, датируемых, по-видимому, ноябрем—началом декабря 1865 года, Достоевский и решает перейти к авторскому повествованию, вбирающему голоса всех героев и озвучивающему их в соотношении друг с другом, что давало, в частности, возможность сопоставить внутренний мир Раскольникова с душевным потенциалом Сони и что и легло в основу подготовки и начала написания окончательного текста «Преступления и наказания» в декабре

1865—начале 1866 года (см. об этом: 7, 318—320). Таким образом, рисунки с воспроизведением облика Сони на с. 120 и соседних с нею (119, 115, 111 — заполнение страниц шло в обратном порядке) появляются в переломный момент творческой истории романа.

Запись с женским силуэтом на отдельном листе, по нашему мнению, может быть приурочена тоже к важному, но более раннему периоду обдумывания Достоевским взаимоотношений центральных героев будущего романа, когда он еще мыслился как «повесть». Скомпоновав в августе—октябре 1865 года 6 глав первой редакции «повести», Достоевский параллельно размышляет над тем, какая героиня может стать рядом с Раскольниковым, своим преступлением отделившим себя от общества (ПМ₁). Фраза: «Какова я собою, чтобы всё устроилось?», — может быть понята на фоне колебаний писателя в эту пору в выборе, какой должна быть представлена внешне дочь «пьяненького» чиновника, одновременно униженная «жертва» и спасительница. По поводу «решения» Раскольникова: «Не просить у людей ничего и не нуждаться в их дружбе и любви. Прожить без людей. Умереть гордо, заплатив горой добра и пользы за мелочное и смешное преступление юности...», Достоевский отмечает: «Но развитие любви к дочери Мармеладова сбивает его с толку» (7, 90). И далее, через несколько страниц, фиксирует варианты двух ракурсов ее изображения: «В. (Дочь чиновника мимоходом чуть-чуть и оригинальнее вывести. Простое и забытое существо. А лучше грязную и пьяную с рыбой. Ноги целует» (7, 92). И все же сомнения в предпочтении второго варианта остаются и находят отражение в приведенной записи на листе в виде вопроса как бы от лица дочери чиновника, а на самом деле авторского: какой же ее изобразить, чтобы она исполнила свою роль. Ответ на этот вопрос проступает в представленном на том же листе силуэте скромной молодой женщины, начертанном столь же произвольно, как и соседствующие с ним каллиграфические записи («Бром. Janus. Janua. Janus») и готические конструкции (отражение впечатлений Достоевского от поездок за границу в 1862, 1863 и 1865 годах).

Интересно отметить, что и на с. 120 тетради, и на отдельном листе в женских «портретах» намечены воротнички, хотя и несколько отличающиеся друг от друга, но очевидно просматривающиеся. Эти воротнички дают потом творческий импульс Достоевскому, который вносит в ПМ₂ заметку: «К характеристике Сони: После смерти Мармеладовой он называет ее святою, она с испугом говорит: „Ах, что вы это! Я великая грешница“. Когда же он думает, что она говорит о желтом билете, и высказывает ей это. Соня (...) говорит ему: я не про это, но я неблагодарна была и против любви много раз погрешила, и рассказывает тут историю (сочинить мастерски), как униженной и убитой Мармеладовой захотелось раз воротничка вышитого, Сониного, и она попросила у ней, и та ей не дала, что воротничок пропал сам собой и что теперь, если б

воротить только и если б она попросила — „Как бы я отдала, всё бы отдала“» (7, 135). В окончательном тексте романа «воротнички и наруканчики» Соне «дешево принесла, хорошенькие, новенькие и с узором» торговка Лизавета и «гордая» Катерина Ивановна примерила их у зеркала и в первый раз в жизни обратилась с просьбой отдать их ей, но Соня не смогла этого сделать, так как сама вынуждена была наряжаться. «А я и отдать пожалела, „на что вам, говорю, Катерина Ивановна?“ Так и сказала, „на что“. Уж этого-то не надо было бы ей говорить! Она так на меня посмотрела, и так ей тяжело-тяжело стало, что я отказала, я видела. Ах, так бы, кажется, теперь всё воротила, всё переделала, все эти прежние слова...» (6, 245). Прорисованные на графических женских образах воротнички также являются аргументом в пользу того, что они навеяны размышлениями писателя именно о Соне Мармеладовой, и в то же время служат свидетельством взаимодействия рисунка и слова в рукописях Достоевского.

Сделанная одновременно с верхней нижняя часть записи на этом листе: «Поглядела на него с удивлением. — Я ведь только для того, чтоб не вышел скандал, так как это дело, так сказать, семейное», представляет, по нашему предположению, проект сцены появления пьяного Мармеладова в сопровождении Раскольникова перед Катериной Ивановной, которая была зафиксирована во второй черновой редакции и реализована в самом романе в несколько преобразенном виде. «Женщина, увидев незнакомого, рассеянно остановилась перед ним, на мгновение очнувшись и как бы соображая, зачем это он вошел? Но верно, ей тотчас же представилось, что он идет в другие комнаты, так как ихняя была проходная» (6, 24), — поясняется в романе, и далее Раскольников, оправдывавший в первоначальном наброске свой приход намерением предотвратить «скандал», напротив, становится молчаливым свидетелем скандала — гнева Катерины Ивановны и таскания ею пьяного мужа за волосы на глазах у сбежавшихся соседей (см.: 7, 116—117 и 6, 24) — и, когда бедная женщина принимает его за собутыльника и выгоняет, удаляется без слов, незаметно оставив на подоконнике сохранившиеся в его кармане медяки от разменного в распивочной рубля (см.: 6, 24—25).

Все вышеприведенные аргументы говорят в пользу атрибуции настоящего отрывка в целом как чернового наброска, сделанного в процессе работы над «Преступлением и наказанием» на отдельном листе и возникшего на одной из ранних стадий планирования будущего романа, на грани между первой и второй его редакциями, т. е. в сентябре—октябре 1865 года.